КОНВОЙНЫЙ.

За что у насъ столько солдатъ пропадаетъ, подъ судъ идутъ и подъ разныя наказанья, когда не доглядятъ, да упустятъ арестанта? За оплошность; за то, что не исполнили начальничьяго приказанія, что слабо присматривали, понадѣялись на авось, на небось, да на какъ нибудь; за то, что дались въ обманъ, что не стало въ нихъ духу солдатскаго, смѣтливости, да расторопности. А вотъ какъ на моей памяти управились исправные конвойные со своими неспокойными арестантами:

Случилось какъ–то, что двое рабочихъ арестантовъ обманули конвойнаго, отвели его, будто за дѣломъ какимъ, на безлюдное мѣсто. Солдатъ худа не чаялъ и оплошалъ; они же вдругъ кинулись на него оба, отняли у него ружье, повалили его и хотѣли убить. Не бейте меня, ребята, сталъ онъ говорить имъ, за что вы меня погубите? Я стерегъ

васъ не по своей волѣ, а отъ меня вамъ худа не было. Какъ быть, одолѣли меня, такъ я вашъ; воротиться я не смѣю, сами знаете, что передъ начальствомъ правъ не буду — да признаться, и мнѣ вѣдь служба эта надоѣла не хуже вашего. Возьмите меня съ собою, уйду и я съ вами. Арестанты повѣрили ему, и ушли они, бѣжали втроемъ; а когда сутки двои, вмѣстѣ побыли, да спознались съ нимъ короче и считали его своимъ, такъ какъ–то и ружье отдали ему нести, перебираясь лѣсомъ: видно, сами устали. Солдатъ нашъ только этого и ждалъ: какъ только ружье взялъ въ руки, такъ одного арестанта зарядомъ положилъ на мѣстѣ, а на другаго кинулся со штыкомъ. Тотъ бѣжать, солдатъ за нимъ въ догонку, зарядилъ еще на бѣгу ружье, да и посадилъ и другому пулю въ ляжку. За тѣмъ солдатъ нашъ явился въ свою команду, гдѣ его считали уже въ бѣгахъ, не утаилъ ничего, принесъ повинную и сказалъ, что и какъ было. За это, по докладу Государю, солдата нашего простили въ первой оплошности его, что

дался было въ обманъ, да еще и наградили деньгами и унтеръ–офицерскимъ чиномъ.

На Черномъ морѣ есть крѣпость Сухумъ–Кале, а вокругъ нея живетъ народъ бойкій, проворный, смѣлый и все наголо разбойники. Невдалекѣ отъ крѣпости течетъ небольшая рѣчка, черезъ которую переправлятся вбродъ. Разъ какъ–то прогоняли тутъ плѣнныхъ Абазинцевъ; одинъ изъ нихъ отсталъ не много, за нуждой, а при немъ остался и конвойный. Когда отрядъ между тѣмъ прошелъ впередъ, а конвойный нашъ сталъ разуваться, чтобы пройти съ арестантомъ своимъ рѣчку вбродъ, то этотъ вдругъ налетѣлъ на него съ тылу ястребомъ, уцѣпился руками за суму, ногами уперся ему въ спину, и сталъ перекручивать, что есть силы, перевязь: хотѣлось, вишь, либо удушить солдата, либо оторвать суму съ патронами, да уйти въ лѣсъ. Конвойный, правда, оплошалъ, что далъ наскочить на себя арестанту, да только нашелся, спасибо, и не со всѣмъ далъ маху: онъ ружье свое не выпускалъ изъ рукъ, а

держался за него, что за Бога; штыкъ былъ отомкнутъ; солдатъ нашъ, повозившись съ Абазинцемъ, просунулъ дуло ружья себѣ подъ лѣвую мышку, уставилъ его въ упоръ на непріятеля, — который совсѣмъ было его одолѣлъ — да нагнувшись впередъ, взвелъ и спустилъ правою рукою курокъ и положилъ Абазинца на мѣстѣ. Это значитъ: нашла коса на камень.

Супротивъ Очакова есть островокъ Ада, на которомъ строили крѣпость, и работали все арестанты. Конвойные разъ какъ-то прозѣвали: человѣкъ десятокъ арестантовъ кинулись на барказъ, небольшую лодку, отвалили отъ берега и ударили въ весла. Они хотѣли, видно, уйти на глухую Кинбурнскую Косу, гдѣ есть довольно мѣста спрятаться. Конвойные были при нихъ матросы; они воды не боялись, да гребнаго судна другаго не было, догонять бѣглецовъ не на чемъ. Однако стали метаться на берегу туда сюда, и наткнулись на душегубку, на маленькую долбушку, которая больше двухъ человѣкъ не подымала. Двое кинулись въ нее, взяли у

товарищей еще по лишнему заряженному ружью и пустились въ погоню. Большая лодка, барказъ, тяжела была на ходу, такъ погоня ее скоро нагнала; одинъ конвойный правилъ, а другой, благословясь, приложился, да и пустилъ пулю по головамъ, туда, гдѣ погуще сидѣли; да за другое ружье, да опять–таки по головамъ, да за третье. Арестанты видятъ, дѣло плохо; кинулись было съ барказомъ прямо на душегубку, чтобы ее смять да утопить — такъ матросы наши стали увертываться, да около нихъ увиваться, а сами заряжаютъ, да знай попаливаютъ. На половину почти они арестантовъ перебили, а остальные взмолились, чтобъ ихъ помиловали. Конвойные заставили ихъ грестись къ острову, а сами стерегли ихъ съ боку и ружья держали на–готовѣ; такъ и поставили ихъ опять на свое мѣсто. Караульный офицеръ пересчиталъ ихъ въ барказѣ — и живыхъ и мертвыхъ — всѣ тутъ; ни одинъ не ушелъ; и конвойные наши остались правы.